

907, вторично 912—925) патрикию Филофею, в котором он жалуется на то, что клирики Никейской митрополии, в нарушение старых законов, призываются на военную службу⁷⁰. Нередко нарушались и старые привилегии церкви, освобождавшие от взноса денежных платежей с церковного имущества. Сведения об этом мы встречаем, например, в письмах Феофилакта Болгарского Торноскопулу, паниперсевасту Бриеннию, севасту Иоанну⁷¹.

К. Н. Успенский в своем исследовании об экскуссии-иммунитете утверждал, что в ранневизантийское время правовое положение церквей и монастырей было совершенно различное. Рассматривая законодательный материал, он указывал, что императорское правительство, начиная с IV в., не проявляло склонности ни расширять иммунитет церкви, ни неослабно стоять на страже его фактического соблюдения, а, наоборот, все время пыталось сузить состав изъятий, которыми пользовалась церковь⁷². Правомерен ли здесь термин „иммунитет“ по отношению к тем привилегиям, которые церковь получала в период поздней Римской империи и ранневизантийское время? И можно ли сравнивать этот „колеблющийся и засыхающий иммунитет церкви“ с „яркой, полной мощи экскуссией“ монастырей, как это делает К. Н. Успенский? В ранневизантийское время церковь не имела в Византии четко очерченного круга привилегий, как это было на Западе. Но и монастыри в это время находились в таком же положении. Сужались льготы не только церквам, но и монастырям. Еще задолго до иконоборческого движения византийские императоры пытаются приостановить рост монастырей. Маврикий ограничил в 593 г. право пострижения в монахи лиц, состоявших на государственной, особенно военной службе, чтобы поставить преграду уклонению от гражданских и военных обязанностей. Эта мера вызвала, правда, резкое сопротивление духовенства и даже вмешательство папы Григория I (590—604), и Маврикий пришлось отказаться от своего постановления.

Византийское правительство, предоставив привилегии церквам и монастырям, пытается затем принять все меры для ограничения этих привилегий. Круг этих привилегий не только не расширился, но, наоборот, сужался. И мы не видим никаких оснований считать эти привилегии монастырям за начало будущей экскуссии. „Иммунитет церкви, — пишет К. Н. Успенский, — и экскуссия монастырей жили и развивались рядом“⁷³. Но „иммунитет“ церкви испытывал тот же нажим императорской власти, что и монастыри, а утверждение К. Н. Успенского о наличии экскуссии в V—VI вв. не может быть принято. Экскуссия — явление гораздо более позднее и на условиях ее возникновения нам придется остановиться в дальнейшем изложении.

Новейшие исследователи-византинисты не занимались глубоким изучением византийского иммунитета. В этом отношении показательна работа Л. Брейе, специально посвященная учреждениям Византийской империи⁷⁴, где иммунитету не уделяется почти никакого внимания. В работе Г. А. Острогорского вопрос о византийском иммунитете также затрагивается лишь вскользь⁷⁵.

⁷⁰ PG, t. 111, epist. 110, col. 375—376: ... προς στρατιων κοσμητην καταλεγουται.

⁷¹ В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории византийского государства. ЖМНП, ч. 202, 1879, апрель, стр. 421—426.

⁷² К. Н. Успенский. Экскуссия-иммунитет в Византийской империи, стр. 115.

⁷³ Там же, стр. 116.

⁷⁴ L. Bréhier. Les institutions de l'Empire byzantin. Paris, 1949.

⁷⁵ Б. Т. Горянов. Рецензия на статью Г. Острогорского „Византийские писцовые книги“ (Byzantinoslavica, IX, 2. Прага, 1948, стр. 203—206). Византийский Временник, т. III, 1950, стр. 276.